

ВЗГЛЯД ИЗ XXI ВЕКА

УДК 930

*Призвание варягов. Миниатюра Радзивилловской летописи. XV в.***На заре русской исторической науки**

Смирнов А.А., кандидат исторических наук, доцент Московского архитектурного института (Государственной Академии), обозреватель журнала «Родина», s1mail@mail333.com

Представлено авторское мнение относительно специальных методов исторической науки, прежде всего источниковедения и археологии, и – в свете современных представлений о таковых – относительно «Древней Русской истории» М.В. Ломоносова как первого отечественного исторического исследования.

Ключевые слова: историческая информация, исторические источники, «Древняя Русская история», варяги, русь, раскопки на Рюриковом городище, научный стиль.

Мнение о том, что историком может быть любой грамотный человек, к сожалению, неистребимо. Любой прочитавший пять-десять книг по истории пользователь Интернета с необыкновенной легкостью определяет, кто из авторов настоящий историк, а кто – «историк» в кавычках, как все было на самом деле – и т.д. И трудно сказать, будет ли,

наконец, понята массама та истина, что одно дело – обладать знаниями о прошлом, добытыми кем-то еще, и совсем другое – уметь добывать новые, *не известные еще никому* (и в результате действительно делать их достоянием всех грамотных людей). Информация, получаемая любителем истории из книг, не растет на деревьях и не падает с неба, всю ее когда-то добыли и сделали доступной для всех ученые-историки. Добыли из того, что несет *первичную* информацию о прошлом – из великого множества *исторических источников* – ни в одном из которых нет того связного и информативно насыщенного текста, который предстает перед открывшим книгу любителем. И добыли не только перелопачиванием «единого слова ради тысяч тонн словесной руды» (а равно вещественных источников, например, предметов, найденных при археологических раскопках), но и благодаря множеству *специальных знаний и навыков*.

Тут и методы внешней и внутренней критики источника, т.е. выяснения того, без чего он нам не поможет – степени его достоверности. Ведь все исторические источники созданы людьми – с их ограниченными знаниями, корыстными интересами, отнюдь не идеальной памятью, с их заботой о чем угодно, но не об облегчении труда будущих историков... Тут и методы (до математических включительно) анализа фактов, извлекаемых из признанного достоверным источника. Тут и правила построения научных концепций и гипотез – точнее, ограничения, вводимые при их построении, ограничения, не позволяющие давать волю фантазии и утверждать, что изображенные на наскальном рисунке, но не имеющие даже горшков на головах (которые могут сойти за гермошлемы) люди суть космические пришельцы. Любитель может прочесть и опубликованный источник – но он будет им *пользоваться* как истиной в последней инстанции (и, размахивая им где надо и не надо, учить «официальных лжеисториков»). Специалист же будет этот источник *критиковать* и *сопоставлять с другими* – а уж потом использовать (если признает возможным) для получения объективного знания о прошлом. Да и понимать источник зачастую нельзя без *специальных* фактических знаний – не позволяющих, например, читать в советском документе 1941 г. сокращение «к/р» как «криминальный» (вместо «контрреволюционный»)...

«Древняя Российская история... сочиненная Михайлом Ломоносовым» – памятник как раз того времени, когда в России, наряду с любителями старины, появлялись первые ученые-историки, когда в ней формировалась *историческая наука*. Ломоносов уже не занимается механическим соединением взаимоисключающих подчас текстов (как это делали составители наших средневековых летописных сводов). Он осуществляет уже «сносение домашних наших летописцев» и других источников, т.е. критически сопоставляет сведения разных источников и мнения исследователей; он использует достижения различных наук – не только истории, но и филологии – и уже на этой основе, «на сем твердом основании», делает вывод (оговаривая при этом степень его гипотетичности – определяемую количеством и полнотой источников). Мы не говорим уже о стремлении найти рационалистическое, а не providencialistское, выводящее все из Божьего промысла, объяснение событий прошлого...

Но все-таки историческая наука в России середины XVIII в. еще только формируется. Великий помор уже владеет основами научной методологии исторического исследования, но не обращает еще должное внимание на материал, из которого возводит здание исторического труда – не уделяет внимания критике источников. Тут его полностью превосходят его коллеги по петербургской Академии наук, столь нелюбимые им немцы Готтлиб Зигфрид Байер (1694–1738) и Герард Фридрих Миллер (1705–1783) – видные историковеды своего времени. Для Ломоносова еще имеет одинаковую цену любой источник – и «Нестор, летописатель российский», и сообщение «новгородского летописца», и сведения «Степенной книги». Каков *первоисточник* сведений этих «летописателей» (легенда, литературное произведение, собственные впечатления о событии, впечатления летописца-предшественника), какие идеологические цели преследовал «летописатель» или его предшественник, составляя или воспроизводя данный текст – этими и подобными им вопросами Михайло Васильевич не задается. А ведь та же «Степенная книга» вообще не является источником по эпохе древних славян и Древней Руси. Это публицистическое сочинение середины XVI в., «оружие идеологической борьбы», призванное обосновать права Ивана IV на единодержавное правление («Третьим Римом» – Российским государством. В качестве исторического источника оно может служить только при изучении истории русской литературы и общественно-политической мысли XVI в. – вот о тогдашних русских публицистах и тогдашней идейной атмосфере информацию оно содержит первичную и объективную.

Однако для исторической науки характерна так называемая *двойная субъективация* объекта. Изучаемая историком объективная реальность преломляется в субъективном восприятии не только того, кто создает исторический источник, но и того, кто этот источник анализирует, – самого историка. Так вот, Ломоносов-историк объективен лишь в мелочах, при выяснении отдельных, не имеющих принципиального значения для его концепции фактов. Ведь он не скрывает, что цель написания им «Древней Российской истории» – прославление истонного величия России, формирование у людей чувства гордости за свою страну. Цель благородная – но с наукой несовместимая. Цель науки – постичь объективную истину (или хотя бы приблизиться к ней), а здесь перед нами стремление обосновать истину, провозглашенную таковой априори. Это неизбежная подгонка фактов под заданную схему (с игнорированием «неудобных» и выдумыванием желаемых), это публицистика, пропаганда – но не наука... Так, не желая признать приглашенного около 862 г. править Новгородским государством Рюрика германцем, скандинавом, стремясь во что бы то ни стало доказать славянство соплеменников этого князя – варягов-«руси», – Ломоносов откровенно игнорирует прямое указание «Повести временных лет» (именуемой им «Несторовой летописью») на германское происхождение «руси». Согласно «Повести...», «русь», шведы, норманны [норвежцы – А.С.], англ и готы – это разновидности варягов: «И идоша [славянские послы – А.С.] за море к Варягом, к Руси: сиче бо ся звахуть тыи Варязи Русь, яко се друзии зывутся Свие, друзии же Урмане, Аньглыне, други Гъте, тако и си»¹. Как видим, к варягам отнесены сплошь германские этносы. И даже если считать (как это делает Ломоносов), что «варяги» – это не этническая, а профессиональная группа наемников / морских разбойников, то очень сомнительно, чтобы одна, небольшая часть этой группы («русь») рекрутировалась из славян, а не из германцев.

Сейчас факт германского, скандинавского происхождения «руси» можно считать доказанным: раскопки 70-х – 80-х гг. на Рюриковом городище – резиденции Рюрика в Новгородском государстве – выявили наличие там в слоях второй половины IX в. большого количества скандинавских вещей. В конце 1980-х гг. Е.А. Мельникова и В.Я. Пет-

¹ Повесть временных лет. Ч. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. С. 18.

рухин убедительно обосновали и скандинавское происхождения самого названия «русь». Они выводят его от древнешведского «ротсер» («гребец»): в прибалтийские и восточнославянские земли скандинавские дружинники проникали по морю и рекам, на парусно-гребных судах, и не удивительно, что их профессиональным самоназванием стало «гребцы». Эстонцы до сих пор называют шведов «gootslane», а финны – «guotsalainen»; в славянском же языке – как подтверждают и филологи – слово «ротсер» должно было превратиться и превратилось в «русь»¹.

Только стремление доказать «древнее величие славянского народа» позволило Ломоносову найти что-то славянское в таких типично германских именах варварских вождей V в., как Одоакр (Одоацер) и Аларих (Аларик).

А вот отождествление Ломоносовым варягов-«руси» с пруссами – балтским этносом, населявшим до и в начале немецкой колонизации территорию позднейшей Восточной Пруссии, – следует отнести на счет недостаточного развития в XVIII в. филологической науки и отсутствия такой науки, как археология. Михайло Васильевич верно подметил «действительные примеры сходства» литовского и прусского языков со славянскими и сходство балтского и восточнославянского пантеонов: когда-то балты и славяне составляли единую балто-славянскую общность. Однако распад этой общности произошёл (как установили потом археологи) ещё в I тысячелетии до н.э., и считать пруссов и других балтов IX в. н.э. славянами нет никаких оснований. То, что и прусский, и литовский языки относятся к балтским (а не славянским), давно уже является аксиомой. Ну, и, разумеется, «расшифровывать» этноним «прусы» как «оставшиеся по руссах [т.е. по уходе руссов – А.С.]» – это типичная «народная этимология», руководствующаяся лишь внешним сходством слов и с наукой не имеющая ничего общего.

Но «Древняя Российская история» – это памятная веха не только в истории русской исторической науки, но и в истории русского языка. Как верно замечает Н.Н. Казанский, «через Ломоносова в русский язык пришла ясность европейского научного стиля – латинского в своей основе. Ломоносов задал нам планку ясности научной мысли»². И это, заметим, в то время, когда русский язык был отнюдь не столь развит, как сейчас, когда в нем элементарно не хватало слов для выражения тех или иных понятий и оттенков мысли! Вслушайтесь, к примеру, в этот отрывок: «<...> К желаемому своему исканию те ближе всех подходят, которые имя Пруссии из славянского языка производят, то есть из имени Русь и предлога по. Правда, что они сие думают быть в рассуждении соседства с Россиею, однако по сему равным бы образом и прочие древние российские соседы, как ливонцы, поляки и другие, названы быть могли поруссами или пруссами. Меня многие причины принуждают верить, что сие прозвание дано не по месту, но по времени». В этих фразах ясно слышится отзвук благородной «золотой латыни», лаконичного и одновременно информативного стиля Гая Юлия Цезаря: «Gallia est omnis divisa in partes tres, quarum unam incolunt Belgae, aliam Aquitani, tertiam qui ipsorum lingua Celtae, nostra Galli appellantur. Hi omnes lingua, institutis, legibus inter se differunt. Gallos ab Aquitanis Garumna flumen, a Belgis Matrona et Sequana dividit»³ – и т.д. Поистине, Михайло Васильевич был «первым нашим университетом».

Остатки Рюрикова городища в окрестностях Новгорода на озере Ильмень. Фото с сайта <http://jupiters.narod.ru/human10.htm>

Находки скандинавского происхождения из Рюрикова городища. Фото с сайтов: http://asgard.tgorod.ru/libri.php3?cont=_viking (а), <http://www.novgorod1150.ru/chronos/sedmicy03/> (б)

ЛИТЕРАТУРА

1. Казанский Н. Талант писателя плюс ясность научной мысли // Родина. 2011. № 9.
2. Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. Название «Русь» в этнокультурной истории Древнерусского государства // Вопросы истории. 1989. № 8.
3. Носов Е.Н., Дорофеева Т.С., Смирнов А.М., Хвошинская Н.В., Юшкова М.А. Раскопки на Городищенском холме // Новгород и Новгородская Земля. История и археология Новгорода. Новгород: Новгородский государственный объединенный музей-заповедник. 2007. Вып. 21.
4. Носов Е.Н., Хвошинская Н.В. К вопросу о характере материальной культуры раннего этапа Рюрикова городища // Восточная Европа в средневековье. К 80-летию Валентина Васильевича Седова. М.: Наука, 2004.
5. Повесть временных лет. Ч. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950.
6. G.J. Caesar. Commentarii de bello Gallico. М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1946.

¹ Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. Название «Русь» в этнокультурной истории Древнерусского государства // Вопросы истории. 1989. № 8. С. 24–38.

² Казанский Н. Талант писателя плюс ясность научной мысли // Родина. 2011. № 9. С. 74.

³ «Галлия по всей своей совокупности разделяется на три части. В одной из них живут бельги, в другой – аквитаны, в третьей – те племена, которые на их собственном языке называются кельтами, а на нашем – галлами. Все они отличаются друг от друга особым языком, учреждениями и законами. Галлов отделяет от аквитанов река Гарумна, а от бельгов – Матрона и Секвана» (G.J. Caesar. Commentarii de bello Gallico. М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1946. Lib. I, 1).